

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

КОСТЁР НА МОХОВЫХ ГОРАХ

К 100-летию со дня рождения Семена Ивановича Шуртакова

... Могучие сосны стоят на обрывистом берегу Волги, разбрасывают колкие шишки на песок. Отсюда, со стороны Моховых гор, видно, как раздольно раскинулась Волга, живописно зеленеют острова. На противоположном берегу Нижний Новгород и впрямь смотрится “царственно поставленным”. Моховые горы в начале прошлого века были местом вдохновения молодого писателя Максима Горького. На старых фотографиях он вместе с Федором Шалапиным и друзьями запечатлены в этих местах.

В начале семидесятых в одном из пансионатов на Моховых горах проводились семинары молодых литераторов, заявивших о себе первыми публикациями. Помню совсем юных нижегородцев Юрия Уварова, Александра Высоцкого, Татьяну Веселову, Сергея Жукова, кировчан Маргариту Чебышеву, Надежду Перминову, Анатолия Быстрова. Нас объединяло Волго-Вятское книжное издательство.

Не забыть хлестких, острых обсуждений наших рукописей. Не забыть ночных костров с песнями под гитару и стихами, стихами... Здесь, у костра, разворачивались беседы, можно сказать по истечении времени, важнейшие для формирования поэтических душ. И одним из наших старших собеседников был Семен Иванович Шуртаков. Он ловко подбрасывал сушняк в костер, высоко, казалось, до самых звезд, взлетали искры. Распахнутый, выдавший вид светлый плащ Семена Ивановича, словно крылья ночной птицы, парил у костра, мелькая то тут, то там. Здесь, на Моховых горах, я его увидела впервые, – энергичный, громкоголосый, глубоко убежденный в своей правоте и умеющий убеждать. Не раз бывал Семен Иванович на нижегородских семинарах молодых авторов, многие почувствовали его поддержку, было видно, что не покидает его ответственность за навсегда избранное дело – Литературу, а значит, и за литературную поросль.

Там, у костра, мы слушали в его выразительном прочтении стихи опальных, тогда не публиковавшихся поэтов Серебряного века. Как сейчас помню, сколь яркое впечатление произвело на нас “Слово” Николая Гумилева:

* * *

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...
Но забыли мы, что осияно*

*Только слово средь земных тревог
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.
Мы ему поставили пределы,
Скудные пределы естества.
И как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Казалось, к каждому из нас обращался поэт. Здесь, на семинаре, особый афористический смысл обретали его строки: “Но забыли мы, что осияно, // Только слово средь земных тревог...” или “И как пчелы в улье опустелом, // Дурно пахнут мертвые слова”. Эти стихи невольно возвращали к твоим строкам, которые хотелось переписать, исправить, очистить от ненужной шелухи...

Семен Иванович страстно говорил тогда у костра о загоревшейся звезде прозаика Василия Белова, феномене молодых иркутян, покоривших литературную Москву, Валентина Распутина, Александра Вампилова, Вячеслава Шугаева.

Искры от костра взлетали в темное небо, освещали аскетически худощавую высокую фигуру Семена Ивановича, не устаяя подбрасывающего сушняк в костер. Его лицо сияло, плащ развевался, таким порывистым, вдохновенным, убежденным в своей правоте он оставался всегда. Семен Иванович рассказывал нам о поэтах, своих товарищах, читал их стихи, пробуждая наше любопытство: Владимир Солоухин, Николай Тряпкин, Федор Сухов, Николай Старшинов... Конечно, эти имена я, тогда студентка-филолог, слышала, их стихи читала, но как важно было там, на Моховых горах, обрести уверенность, чтобы двигаться дальше в нужном русле русской поэзии. Писатель Шуртаков, преподаватель Литературного института, сам дипломник одного из первых послевоенных выпусков этого вуза, был надежным путеводителем, и мы жадно прислушивались к нему.

Позднее я познакомилась со многими из поэтов, кумиров юности, а в памяти не погас тот костер и наш первооткрыватель, воспламенивший преданность отечественной литературе, писательскому труду, ответственности за сказанное слово. Семен Иванович умел пробуждать чувство родства между нами, учениками, и поколением старших товарищей, наших уважаемых писателей — в основном это были фронтовики, чьи судьбы безжалостно опалила война.

В одной из автобиографических записок Семен Иванович Шуртаков рассказывает о своем детстве в селе Кузьминки Сергачского района Нижегородской области: “В семь лет ездил в ночное, в восемь боронил, а в девять — уже умел пахать”. Типичная биография его поколения. Но грянула Великая Отечественная война (он служил на Тихоокеанском флоте), потери товарищей, народные страдания, обнищание родной деревни заставили переосмыслить свою жизнь. Захватила тяга к чтению и писательству.

Спустя годы в памяти крестьянского сына не стерлось то детское ночное. “И с вечера, — вспоминал Семен Иванович, — пока темнело, до нас какое-то время еще явственно доносились привычные звуки засыпающего села. Но вот ночь окончательно опустилась на землю. И все кругом постепенно глохло, замирало. Слышалось только, как время от времени фыркают да позванивают колокольцами-боталами стреноженные кони. Сухо проскрипит в устоявшейся тишине коростель, позовет спросонья “поть-полоть!” перепелка, и опять ни звука”.

В предисловии к сборнику С. И. Шуртакова Михаил Алексеев (он назвал предисловие “Поэзия жизни”) пишет, размышляя над рассказами “Несмолкаемая песня”, “Кузьминские сады”, “Возвратная любовь”, “За все в ответе”: “... писатель будто говорит нам: пристальнее всматривайтесь в жизнь, будьте ее активными участниками, находите интересных людей — их великое множество! — делайте их своими близкими друзьями, и ваша собственная жизнь обретет более глубокий и радостный смысл, ибо вы станете богаче, а значит, и щедрее душой”.

Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1987), премию он вложил в сооружение в родном селе Кузьминки памятника землякам — защитникам Родины, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Фамилии, высеченные на памятнике, ему были знакомы с детства: с этим дружил, ходил в ночное, с этим жили по соседству...

Говорят, многое в человеке может с годами измениться, только не интонация речи. Так и у Семена Ивановича навсегда осталась тяга к родным местам

и интонация оставалась особенной, кузьминковской. Он никак не хотел отделяться от своих односельчан, и от тех, кто жив, и от тех, кто пал на полях сражений. Сюда, в свой скромный домик без особых удобств, приезжал из уютной московской квартиры каждый год и жил от весны до глубокой осени. Семен Иванович не умел долго “сиднем сидеть” за письменным столом. Общался, ездил по окрестным знаковым для литературы местам, был родным человеком в пушкинском Болдине, Арзамасе, Нижнем Новгороде.

Страстное слово Семена Ивановича звучало и в селе Григорове на открытии памятника протопопу Аввакуму, первому писателю земли русской (скульптор Вячеслав Клыков). Село Григорово, родина Аввакума, в 50 километрах от Сергача, неподалеку от известного Макарьевского монастыря на Волге. Благословенные для русского сердца места.

Неотступная мысль о путях-перепутьях Отечества никогда не покидала Семена Ивановича, которого современные русские писатели справедливо считали и считают одним из подвижников русского слова. Всегда легкий на подъем, охотно ездил он по городам и весям России, был желанным гостем в писательских организациях.

Неутомимый, он немало энергии отдавал и празднованию Дня славянской письменности и культуры, неустанно напоминая в своих статьях и устных выступлениях об истоках нашей духовности, о том, что русская культура наследует древние и великие традиции славянской культуры. В Сергаче праздник Славянской письменности и культуры стал поистине всенародным, впечатляющим. Конечно, это произошло не само собой, а при постоянной, усердной, порой навязчивой пропагандистской работе писателя со школьниками, читателями библиотек района. Сергачской районной библиотеке, куда писатель сделал немалый книжный вклад, присвоено имя С. И. Шуртакова.

Умудренный жизнью, много испытавший и повидавший, создавший знаковые для России и всего славянства произведения “Возвратная любовь” и “Одолень-травя”, он был и остается для нас образцом верности отеческим святыням. За подвижническую деятельность С. И. Шуртаков награжден Золотой медалью В. И. Даля, орденом Преподобного Сергия Радонежского.

... Не забыть мне последней встречи с Семеном Ивановичем. Это было в 2013 году в Болдине на праздновании дня рождения А. С. Пушкина. Знали, что он приехал на лето в Кузьминки, но никто не ожидал, что у него в 95 лет хватит сил на довольно долгое путешествие в Болдино. Все равно надо было пригласить. Не пригласили. Он появился неожиданно, поднялся на сцену. Представлять Семена Ивановича не было необходимости, и болдинцы, и литераторы знали его хорошо. Зал замер в ожидании.

Это было выступление-завещание. Он наставлял нас беречь литературные традиции, сплоченный годами писательский союз, русские “толстые” журналы, наши праздники. И снова уместно прозвучало “Слово” Николая Гумилева: “Но забыли мы, что осияно // Только слово среди земных тревог...”. Только Слово! Приподнятое настроение Семена Ивановича передалось собравшимся, зал взорвался аплодисментами. Многим хотелось подойти к нему, пожать руку, пожелать доброго здоровья. Не удалось. Семен Иванович в сопровождении товарищей спешно уехал в свои Кузьминки. Оставив каждого со своими размышлениями.

Я возвращалась памятью в далекие семидесятые годы, на Моховые горы, когда слушала Семена Ивановича впервые. Когда всем нам, начинающим литераторам, передавалась его писательская страстность. Слушала его здесь, в Болдине, и убеждалась, что с годами не покинули его энергия, убежденность в своей правоте. Та же рука, протянутая навстречу, улыбка, кузьминковский выговор... Выступление длилось всего несколько минут, но осталось в сердце навсегда.

Нижний Новгород